

АБДИЛЬДА ТАЖИБАЕВ: «ПУСТЬ БУДЕТ В ЗДРАВЬИ МОЯ ЗЕМЛЯ»

Перечитывая в наши дни творения выдающегося казахского поэта, драматурга, прозаика, мемуариста, литературоведа, критика Абдилады Тажибаева, очередной раз убеждаюсь не только в его бесспорном поэтическом таланте, но и в редкостном даровании слышать гул и раскаты текущего времени. Слышать его пульс, чувствовать биение народных сердец и рождавшиеся в самых гущах бескрайней казахской степи народные настроения. Чувствовать и проносить неиз-

бежно появлявшиеся переживания через собственное пылкое сердце... Сердце и разум поэта, в 50–80-е годы прошлого века считавшегося ведущим мастером поэтического слова цветущей и стабильно развивавшейся республики, всецело принадлежали родному народу: *«Вооружен поэзией своею, / С народом разговаривать я смею. / С народом жить – чего ж ещё желать? / Народу всё отдам, что я имею»* (перевод К. Алтайского).

Слова эти, заключившие в себе основной смысл всего стихотворения «Дума», написанного поэтом в 1955 году, предельно точно отображают облик поэта и гражданина Абдилады Тажибаева, уроженца Кзыл-Орды, сына крестьянина-бедняка, рано осиротевшего и с 1922 года воспитывавшегося в местном интернате, по сути ставшем для него новым домом, в котором и началось его личностное формирование, позволившее в будущем стать одним из славных сынов Казахстана, искренне любившим и воспевавшим свою родину.

«Он стал одним из первых воспитанников детдома-интерната, – писал в 1979 году Мухамеджан Каратаев, известный казахский советский литературовед и критик, академик Академии наук Казахской ССР, друг и сверстник Тажибаева, – одним из первых пионеров и комсомольцев, которые оказались первыми питомцами народной Советской власти, воспринявшими детской душой начало новых великих перемен в степи. <...>

Я помню, еще в 1925 году, будучи воспитанником детского дома-интерната им. В. И. Ленина в г. Кзыл-Орде, будучи пионервожатым, Абдилада увлекался поэзией, читал стихи Абая, образцы народной поэзии, даже сам сочинял стихи. Позднее стало известно, что интерес к поэзии, любовь к ее шедеврам привила Абдиладе в детстве его родная мать Айманкуль, одаренная поэтесса, воспитанная на классических образцах восточной поэзии и казахского народного творчества. Очевидно, что таким образом мать пробудила в сыне мечту стать поэтом, а осуществлению этой мечты прямо содействовала новая советская действительность, школьное образование и, конечно, произведения “могучей кучки” зачинателей новой казахской советской литературы – С. Сейфуллина, Б. Майлина, И. Джансугурова, С. Муканова. Отлично и убедительно рассказал об этом сам поэт в своей мемуарной книге “Годы, думы”. Оказывается, еще в детстве из уст матери слушал он песни и поэмы казахского фольклора и вос-

точной поэзии, видел знаменитых акынов и жырау – Жиенбая, Нартая, которые, безусловно, оставили определенный след в сознании и в душе мальчика, а уже за пять лет учебы в школе-интернате из рассказов учителя слышал об Абае, о его переводах Пушкина, Лермонтова и Крылова».

Кстати, прославленному акыну Нартаю Бекежанову поэт в 1955 году посвятит стихотворение с красноречивым названием «Певец Нартай», в котором он вспомнит и о том, как ему посчастливилось его увидеть и услышать.

*Он и сейчас мне видится вполне, Идут года, считай их, не считай,
Я помню, как-то пел он в тихой тьме, О, сколько лиственных перелетело стай!
Глядел я на его усы большие, А молодость всё убывает, убывает,
Они как крылья песен были мне. Но, как напев, звучит в душе Нартай.*

(Перевод М. Луконина)

Особую роль в становлении мировоззрения будущего поэта сыграют старшие его товарищи, впоследствии известные казахские писатели Сабит Муканов и Аскар Токмагамбетов. Аскар же поможет Абдильде опубликовать в 1927 году в газете «Жумысшы» («Рабочий») его первое стихотворение «Молоток рабочего», оказавшееся для восемнадцатилетнего парня своего рода путевкой в большой мир поэзии. С тех давних пор Тажибаев с поэзией буквально породнится. В 30-е годы он станет одним из ведущих казахских поэтов, преимущественно выступавших со стихами гражданственными, наполненными агитационно-политическим пафосом и патетикой, что, в общем, и не удивительно. Время тогда в Советском Союзе действительно было бурное, кипучее, события в нем развивались стремительно, и молодой поэт не замечать их и не откликаться на них не мог.

К тому же помимо литературных занятий Тажибаев постигал азы профессии журналиста, а затем активно включился и в деятельность Союза писателей Казахстана, в котором трудился секретарем правления, а с 1939 по 1943 год – председателем правления Союза, активно развивавшегося и обраставшего новыми писателями, заявлявшими о себе на просторах всей республики. В 1939 году Тажибаев также вступит в ряды ВКП(б), и государство впервые отметит его заслуги – он будет награжден орденом «Знак Почета».

Первый свой сборник стихов, увидевший свет в 1932 году с предисловием С. Муканова, Тажибаев назовет «Новый ритм». «Да, действительно, это были новые ритмы, – писал М. Каратаев, – ритмы музыки новой жизни, утверждавшиеся великим Октябрем... образования Казахской Советской Республики, конфискация имущества у крупных баев, пробуждение классового самосознания аульной бедноты и раскрепощение женщин-казашек, организация колхозов, строительство Турксиба, возведение индустриальных гигантов, подвиг челюскинцев, полет в стратосферу – вот те события, которые занимали и вдохновляли всех поэтов Казахстана, в том числе и Тажибаева. Поэмы «Кулгара», «Кобланды-батыр», «Айнабулак», «Прорыв», «Спасение» и другие являются прямым откликом А. Тажибаева на эти всенародные события. События эти тем более близки сердцу поэта, что они происходят в его родном крае и преображают его любимые просторы».

Двумя годами позже выходит книга стихов поэта «Сила», а в следующем, 1935 году, из печати выйдут сразу две поэтические книги молодого автора, воспитанного, о чем нельзя не упомянуть, на лучших образцах казахской и восточной поэзии, а позже и на шедеврах русской и европейской классики. В них он, умудренный к тому времени определенным жизненным и поэтическим опытом, энергично осваивает новые темы, выступает с лирическими стихами и поэмами, обращается к великим учителям.

*Ты с Пушкиным стоишь – плечо к плечу... К тебе, творцу величественных песен,
Ты мой наставник мудрый. Я хочу Приникнуть, словно к горному ключу.*

Мудрым наставником называет Тажибаев М. Горького, которому и адресовал он в 1937 году стихотворение «Великому учителю» (перевод Н. Титова), ставшее впоследствии достаточно известным. Ему, великому русскому писателю, основоположнику советской многонациональной литературы, клянется молодой казахский поэт, не достигший к тому времени и тридцатилетия, идти горьковским путем, быть «крылатым, верным, смелым, огненным», всюду славить советскую действительность и «как молния сверкать на небе», дабы «врага в сражении рассечь».

Практически через два десятилетия, в 1956 году, Тажибаев напишет объемное, по-настоящему содержательное, глубоко передающее чувства и мысли поэта стихотворение «Беседа с Маяковским», в котором будет вести с великим поэтом-трибуном незримый диалог. А практически за десять лет до этого, в стихотворении «Перед портретом Маяковского», Абдильда провозгласит:

*Он агитатор наш. Главарь поэтов жив! И кажется – вот-вот поведает он миру
Я чувствую его дыхания порыв... О том, что видит он, свой век опередив.*

(Перевод О. Кольчева)

«И я по-своему поэт», – говорит Тажибаев, начиная эту интереснейшую беседу, переведенную на русский язык замечательным русским советским поэтом Михаилом Лукониным, высоко ценившим творчество своего казахского друга. Затем он с гордостью напоминает, что его республика, родной Казахстан, «Европы шире!», и небо над ним «всех небес прозрачней в мире!». Иронично далее поэт отзывается и о жизнедеятельности коллег-поэтов. Глубокий подтекст, без сомнения, закладывал он в те слова:

<i>Да, время! Прошли уже многие годы, Поднялись в степи новостройки – заводы, Страна наша стала великой державой! Гослит богатеет деньгами и славой. Хозяйство поэтов зажиточным стало: Авторитетные авторы ездят в авто. Жить в городе – душно.</i>	<i>Нет, это не то... Есть дачи удобные, двухэтажные. И появляются хлопоты важные: Ухаживать за газонами, удалять сорняки. Становятся отговорки резонными: – Некогда мне. Не с руки.</i>
--	---

«...Время идет и проходит железно», – говорит Тажибаев. Тревожна жизнь «поэта-бедняги», и следует ему «не отрываться от жизни, не отставать». И тут поэт вновь обращается к Маяковскому, который знал, «как звонкую песню сложить». «Вам бы пройти по моей целине», – говорит ему пылкий и не устающий размышлять Абдильда. «Вам бы поехать в Китай обновленный», и причем не абы как, а на «сверхзвуковой пролетающей волне!..», так, чтобы заметили миллионы. И не жалуется при сем Тажибаев великому поэту, его переживания искренни, а жалобы, напоминает он, только «сушат». Куда полезнее трудиться!

*Владимир Владимирович,
сойдите с икон,
За вами пойдем строем верным и дружным.
В нашей стране
На расцвете таком
Хочется быть настоящим и нужным!*

Да, «настоящим и нужным!». И Тажибаев был именно таким. Он никогда не скрывал своих убеждений и не давал повода в них кому-либо усомниться. Он искренне верил Советской власти и ее институтам, участвовал в их деятельности, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Безгранично любил Абдильда и свой родной Казахстан, его бескрайнюю степь, горы Алатау, столицу республики – прекрасную Алма-Ату. Он старался делать всё возможное и от него лично зависящее, чтобы Казахская Республика динамично развивалась и рос ее культурно-образовательный уровень. Потому, по всей видимости, в 1948 году поэт завершит и свое образование, в 1929–1931 годах начатое в Казахском педагогическом институте, окончив наконец-таки историко-филологический факультет Казахского государственного университета.

Казахские язык и литература будут и далее основательно занимать поэта, мастерство которого с годами крепло и совершенствовалось. Они приведут его в научные учреждения при Академии наук Казахской ССР, где Тажибаев руководил сектором по изучению творчества Джамбула, которому посвятил свои поэмы «Джамбул» и «Акын», сценарий кинофильма «Джамбул», а в более поздние годы заведовал отделом искусства Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова АН КазССР. Доктор филологических наук, профессор, блестящий знаток национальной литературы, он будет работать и как исследователь. Им будут написаны серьезные монографии по литературоведению «Жизнь и поэзия» и «Пути развития казахской драматургии». В зрелые свои годы, приобретя всесоюзную известность и став одним из самых маститых казахских поэтов, Тажибаев станет выступать и в качестве наставника поэтической молодежи. Его учениками будут известные в последующие годы казахские поэты Туманбай Молдагалиев, Кадыр Мырзалиев, Толеген Айбергенов, Мукагали Макатаев, Мухтар Шаханов, Жараскан Абрашев, Фариза Онгарсынова, Куляш Ахметова, навсегда запомнившие своего чуткого и мудрого учителя.

Одной из основных тем, постоянно разрабатывавшихся в поэзии Тажибаева, была тема дружбы, братства народов, выражавшаяся, прежде всего, в его обращениях к России и русскому народу, Москве, Ленинграду... «Золотым руслом лирики», к которому поэт постоянно обращался, «как только речь идет о счастье родного казахского народа и его исторической судьбе», считал эти темы в творчестве поэта академик М. Каратаев, десятилетиями внимательно наблюдавший за профессиональным становлением поэта-самородка, вышедшего из самых народных низов, в былые времена и не мечтавших о такой славной, полной радости созидательного труда судьбе.

Среди стихотворений, написанных на эти темы, особо выделяется «Клятва», сочиненная Тажибаевым в 1957 году.

*...Я клянусь всей душой, сердцем трепетным всем,
И водою, что пью я, и хлебом, что ем,
Синевою небес над страной отцов,
Висью гор, шумом леса, дыханьем цветов,
Молоком моей матери, жизнью детей,
Чьи надежды негаснущих радуг светлей,
Мы едины с Россией навек, навсегда!
Монолитный фундамент не сдвинут года.*

(Перевод К. Алтайского)

Так было на протяжении десятилетий – единый и монолитный фундамент дружбы народов помогал этим народам жить в мире и согласии. Тажиба-

ев, любивший русскую культуру, язык, друживший со многими выдающимися поэтами России, некоторые из них с большим удовольствием переводили его произведения, не единожды в своей жизни имел возможность убедиться в том, как сильно и надежно было взаимодействие двух ключевых советских республик – РСФСР и Казахской ССР. И оно, вне всякого сомнения, основывалось на искренней дружбе русских и казахов, что убедительно просматривалось и в многонациональном Казахстане, где бок о бок жили казахи и русские, узбеки и украинцы, татары и белорусы, немцы и греки, армяне, уйгуры, дунгане, корейцы и представители других национальностей.

*О русский боевой народ,
Услышь напев моей струны!
От всей души тебе поёт
Поэт далёкой стороны.*

*Хоть я казах, но твой я сын.
Не ты ли вырастил меня?
Милions нас, не я один,
России кровная родня.*

Эти строки из стихотворения «России» (перевод И. Сельвинского) были написаны Тажибаевым в 1939 году, памятном для него и значимом. А с началом Великой Отечественной войны доминантой его поэзии, ее душевных порывов становится пламенное воспевание героизма советских людей, беззаветная вера в силу и мощь социалистического государства, в его народ, смело и мужественно боровшийся с ненавистным врагом. Знаменитыми становятся его слова, обращенные к Ленинграду. Вослед за великим акыном Джамбулом Джабаевым, написавшим в начале сентября 1941 года свое бессмертное послание «Ленинградцы, дети мои!», впервые опубликованное тогда же в газете «Правда», Абдильда в 1942 году взывает к осажденному, но не терявшему веру в победу Ленинграду:

*Дальний голос взволнованный мой
в это трудное время услышь!
Ты не дрогнешь и выдержишь бой,
все мы знаем, что ты победишь!
Не уступит бессмертный наш брат –
Ленинград, Ленинград!*

*Позови! – для победы твоей,
вдохновляясь примером твоим,
мы пожертвуем жизнью своей
и кипящую кровь отдадим...
Вся земля повторяет стократ:
– Не падет Ленинград!*

(Перевод Я. Смелякова)

Интересным представляется и стихотворение «Великан», написанное поэтом в том же 1942 году и посвященное гвардии капитану, панфиловцу Бауыржану Момышулы, ставшему впоследствии воистину народным героем, писателем, посмертно удостоенным высоких званий Героя Советского Союза и Народного Героя Казахстана. В нем Тажибаев вспоминает детство (Абдильда и Бауыржан вместе учились в шымкентской средней школе), однажды услышанный чудесный сказ о войне-батыре, народном великане, в котором он в то грозное и судьбоносное время узнает мужественного и решительного Бауыржана.

*Мы вспоминаем, Бауыржан,
Родной ковыльный Казахстан,
Где я и ты до темноты
Носились вихрем по траве
И пели песни. Я и ты –
Два жаворонка в синеве. <...>*

*Мы детство вспомнили с тобой,
Ковыльную степную ширь,
И, попрощавшись, в грозный бой
Ты вновь уходишь, богатырь.*

(Перевод С. Маршака)

Поэзия Тажибаева была по-настоящему многогранной. В ней присутствовали разные темы и мотивы, порою между собой мало чем связанные. И со временем она становилась всё более философской и психологичной. Заметно выделялись и поэмы Тажибаева. К более ранним из них – «Два мира», «Возвращение», «Курмангазы», «Абыл», «Детство», «Толагай», «Песня о друге», «Сын и мать», «Сверстники», «Кузнец», «Джамбул» – позже присоединится поэма «Портрет», признанная достижением всей казахской литературы. Написанная в лиро-эпическом жанре, она представляла собой оригинальный пример гармонического сочетания элементов «бытовой» достоверности и светлой романтики, всегда жившей в душе поэта.

Не менее значимыми станут и эпические поэмы Тажибаева: «Акын», целиком воспроизводившая столетний жизненный путь великого Джамбула, и «Старшие братья», в которой им талантливо и патетически воссозданы образы славных сынов казахского народа – всемирно известного писателя Мухтара Ауэзова, выдающегося ученого-геолога, первого президента Академии наук Казахской ССР Каныша Сатпаева. С особым теплом всегда вспоминал Тажибаев о них. Вот, к примеру, слова, сказанные поэтом о великом ученом, навсегда обессмертившем свое имя:

*Он слышал речь глубин родной земли.
Он понимал немой язык металла.
Вот потому и золото и медь
Земля ему охотно отдавала.*

(Перевод О. Сулейменова)

О лиричности творений Тажибаева в былые времена немало говорилось и писалось. В целом же его лирику всегда отличали гуманизм, человечность, сердечность, трепетность, желание разогреть людские души и помочь людям стать добрее, совестливее, отзывчивее и разумнее. И о чем бы он ни писал, будь то любовь и дружба, добро, преданность, долг или красоты родного Казахстана, зарубежные путешествия в Грецию, Стамбул, Рим, Париж, Роттердам, – в его стихах ощущалась полнота и целостность представленных картин и переживаний лирического героя, в роли которого зачастую выступал сам поэт. Бесподобно звучит небольшое, лиричное и напевное, филигранно исполненное стихотворение «Жамал», сочиненное поэтом в суровом и трудном 1942 году.

*Черноглазую казашку я в степи видал.
Тонким шёлком вышивала юная Жамал.
Мысли девушки летели к другу в дальний полк,
И нечаянные слёзы капали на шёлк.
Два цветка она на белом вышила платке.
Соловей сидел, тоскуя, на одном цветке.
Будто он подслушал песни маленькой Жамал
И, услышав эту песню, сам затосковал...*

(Перевод С. Маршака)

Пример любовной лирики – стихотворение «Дай руку мне...», увидевшее свет в 1946 году. В нем Тажибаев просто, но проникновенно говорит о любви к женщине, представляющейся ему звездой и цветком, рядом с которыми и он себя воспринимает точно так же.

*Дай руку мне, и мы пойдём,
И будем мы всегда вдвоём,
Как две звезды, как два цветка
Под дуновенье ветерка,
Как два крыла, что плещут в лад.
Пусть наши годы пролетят.
Пусть будет близок наш закат.
Но даже на закате дня
Не догорит любовь моя!*

(Перевод А. Жовтиса)

О настоящей дружбе, когда друг ощущается «большим счастьем», Тажибаев напишет строки лиричные и одновременно глубокие, поучительные. В них прозвучит и предостережение о необходимости «остерегаться лжедрузей».

*Надёжный друг – большое счастье,
Ему доверись во всём.
Какие ни случись напасти,
Вы с ними справитесь вдвоём.*

*Сказать: «Я друг твой» – может каждый,
Но что сказал он жизнью всей?
Чтоб не раскаяться однажды,
Остерегайся лжедрузей!*

(Перевод М. Петровых)

Вспоминается стихотворение «Алма-Ата», в котором поэт пылко, нежно, с любовью и сыновней благодарностью говорил о прекрасном городе, где долгие годы жил, творил, а когда в 1998 году пришел последний жизненный миг, то и нашел в нем свое вечное пристанище...

*Столица казахская Алма-Ата!
Твой житель, люблю я тебя неспроста:
известна ты меньше Парижа и Рима,
но как необычна твоя красота!*

*Мой город – единственный, знайте, друзья.
С другими его и сравнить-то нельзя.
Чтоб облик его описать достоверно,
слова выбираю со тщанием я. <...>*

*У розы одной есть один соловей.
Любимый один у любимой твоей.
Один не могу я воспеть все красоты
и всё обаянье столицы моей.*

(Перевод Я. Смелякова)

Поэт, которому были подвластны любые поэтические жанры и формы, умевший, если была такая необходимость, экспериментировать, представляя всё многообразие своего таланта, Тажибаев в 1958 году, после единодушного признания его поэзии во время проведения декады казахской литературы и

искусства в Москве, был отмечен крупным русским поэтом И. Сельвинским, долгие годы активно переводившим сочинения Абдильды. «Абдильде Тажибаеву сейчас около пятидесяти, – писал тогда Илья Львович. – Но он всё еще в исканиях. <...> Что же касается сильных его сторон, то высокая идейность, яркий темперамент, широкий поэтический диапазон, владение всеми жанрами стиха делают Абдильду Тажибаева не только одним из крупнейших мастеров слова Казахстана, но и вводят его в ряд лучших поэтов Советского Союза».

Крупнейший казахский поэт и драматург, чьи пьесы «Белая береза» (в соавторстве с М. Ауэзовым), «Майра», «Одно дерево не лес», «Девушка и солдат», «Дубай Шубаевич», «Приятели», «Перед свадьбой», «Граждане», «Ковер Жомарта», «Поднятый купол» в свое время ставились на республиканской и областных сценах и имели успех у публики, Тажибаев до конца дней своих оставался человеком скромным и не отягощенным славой. «Флагман казахской поэзии», – как называл его выдающийся литературовед М. Каратаев. Народный писатель Казахской ССР, лауреат Государственной премии Казахской ССР (удостоен ее за удивительную книгу «Старый колокол», изданную в 1973 году и состоявшую из четырех разделов: «Думы, думы», «Слова», «Горькое и пресное», «Поэмы»), кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Тажибаев, как поэт, наделенный даром философского анализа и обобщения, часто задумывался над вопросами вечными, непреходящими...

*Рождён я от земли. Начало в ней.
Зажёг я огонёк грядущих дней.
Гори, огонь мой, на ветру не гасни
в созвездье человеческих огней.*

*Я от земли рождён. Она – мне мать.
А позовёт к себе – вернусь опять,
отдам земле своей всё, что имею, –
кровь, если ей понадобится взять.*

*Живые люди, выходя на свет,
вы ноги вытирайте, чтобы след,
след на земле был чистым, и арыки
не засоряйте сором давних лет.*

*О, прозревайте все от слепоты,
не наступайте, люди, на цветы!
Быть может, я среди цветов и буду,
а может быть, после меня и ты.*

(Перевод М. Лукониной)

«Оторвавшись от рек, озера плесневеют, – написал как-то Тажибаев, – человек в одиночестве тоже черствеет, без прилива озеро обнажает дно – то скливое сердце лишь себя отравляет. Но в жизни чаще по-другому бывает. Если сила коня познается на скачках, то талант поэта познается по тому, как принимает его народ. И тот не может считать себя поэтом, чей талант не раскрылся перед людьми. Ведь огонь хорош без дыма. Он излучает тепло и свет, но если костер не горит, а лишь чадит и дымит, то кашель сожжет горло, человек отойдет от такого “костра”. Бывают поэты с ярким талантом, но бывают и такие, что лишь дымят».

Сам Тажибаев, бесспорно, являлся поэтом талантливым, горевшим ярким огнем. Талант его был могуч и самобытен. С этим фактом соглашались критики и читатели, как при его жизни, так и после, когда появилась возможность взглянуть на творческое наследие Тажибаева несколько по-иному, через призму современности, разительно отличающейся от канувшей в Лету советской эпохи. Знаменитый казахстанский писатель, публицист, переводчик, прекрасный знаток казахского языка Герольд Бельгер как-то справедливо подметил: «...Один мотив постоянно звучит в поэзии почтенного мэтра: это сознание своего долга на земле, долга человека, поэта, гражданина, это вера в человека, вера в Добро. Он хотел пламенем возжечь бездушные слова. Он гордился тем, что “не прятался в затишье, в закуток, и в бурю жил, не вбирая в плечи голову”».

Выдающемуся казахскому поэту, драматургу, ученому и общественному деятелю Абдильде Тажибаеву посчастливилось прожить долгую, интересную, хотя и непростую жизнь. И задолго до своего ухода в вечность поэт написал такие строки:

*Жизнь человека интересна очень:
день придёт – и схлынет, как вода.
Жизнь моя менялась, между прочим,
нервы портила мне иногда.*

*Сколько замерзал я – неизвестно.
Сколько раз горел – не знаю сам.
В памяти остались, если честно,
дни такие, что равны годам! <...>*

*Я не знал, что время с меня спросит,
брать обратно станет, что дало,
дни без счета вычеркнет и сбросит
всё, что стало тесно и мало.*

*Жизнь моя, прекрасней жизни нету!
Верю ей и ей принадлежу.
Думаю: пройду ещё по свету
и, возможно, многое скажу.*

(Перевод М. Луконина)

Абдильда Тажибаев, последними прижизненными словами которого были: «Пусть будет в здравии моя земля!», и вправду многое успел сказать. Давайте же не забывать этого замечательного художника слова и по возможности чаще обращаться к его творчеству. Жизнеутверждающему, наполненному энергетикой добра, справедливости и обращенному к человеку – творцу всего сущего на земле.

Руслан СЕМЯШКИН